

ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ И ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ
ВОЛОГОДСКИЙ ОБЛАСТНОЙ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР КУЛЬТУРЫ И
ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

**ФОЛЬКЛОР И МОЛОДЕЖЬ:
ПРИБОЩЕНИЕ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ
К ТРАДИЦИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

Сборник научных статей

Вологда

2011

УДК 37
ББК 74.2+82
Ф75

Научный редактор, составитель:
кандидат искусствоведения С. Р. Кулева

Ф75 **Фольклор и молодежь: приобщение детей и молодежи к традициям национальной культуры. Сборник научных статей /** Науч. ред., сост. С. Р. Кулева. Департамент культуры и охраны объектов культурного наследия Вологодской области, Вологодский областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации. – Вологда: ОНМЦК и ПК, 2011. – 160 с.: нот.

ISBN 978-5-901432-10-5

В сборник вошли материалы научно-практической конференции «Фольклор и молодежь: проблемы приобщения детей и молодежи к традициям национальной культуры» (Вологда, 18-19 июня 2010 года).

Авторы статей поднимают вопросы изучения детского и материнского фольклора и его освоения современными городскими детьми, а также ритуальной роли детей в обрядовом контексте. Среди материалов сборника представлены локальные фольклорные традиции в их жанровых проявлениях.

Целый блок статей посвящен проблемам современного этнокультурного образования – высшего и постдипломного, среднего и дополнительного образования, реализуемого на базе общеобразовательных, музыкальных школ, школ традиционной народной культуры. В статьях также освещаются темы, связанные со спецификой работы с детским фольклорным ансамблем, фольклорно-этнографической студией, с поиском особых методов обучения и воспитания детей в таких коллективах, авторы предлагают некоторые пути решения поставленных проблем.

В ряде статей нашли своё отражение особенности процесса сохранения и восстановления этнокультуры села.

УДК 37
ББК 74.2+82

ISBN 978-5-901432-10-5

© БУКО ВО «Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации», 2011
© Коллектив авторов, 2011

Е. В. Самойлова
Санкт-Петербург

**КОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ
ИНТЕГРАЦИИ В ТРАДИЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЕ: аспекты взаимодействия
детей и взрослых в ритуальных
практиках**

Стремительное развитие новых технологий – одна из характеристик современного мира. Процесс современной технологизации, несмотря на его направленность к достижению лучшей результативности, имеет и негативные проявления. К ним можно отнести разрушение механизмов передачи и преемственности традиционных культурных ценностей и, как следствие, ослабление и разрыв связей между поколениями. Каждое новое поколение постигает мир, который был неведом его предшественникам. М. Вид определяет такой тип культуры как префигуративный – «взрослые учатся у своих детей»¹, «сегодняшние дети вырастают в мире, которого не знали старшие»². Американская исследовательница приходит к выводу о неизвестности «предстоящего» в префигуративной культуре будущего. Такой тип культуры отличен от постфигуративного, характерного для традиционных обществ. В традиционном обществе подрастающие поколения ориентировались на преемственность существующих культурных моделей. Возникает вопрос: какую стратегию развития должно избрать общество, ориентированное на традиционный тип культуры? Каковы механизмы его адаптации в условиях современной политической и экономической нестабильности? Поиск ответов на эти вопросы послужил поводом к написанию данной статьи.

В качестве источниковой базы в статье используются работы этнографов и антропологов конца XIX – начала XXI ввек, а также полевые материалы, собранные автором в 2006-2010 годах на территории Пирятинского района Полтавской области Украины³. Выбор территории

для проведения экспедиционных исследований неслучаен. Он связан с тем, что несмотря на повсеместную сохранность похоронно-поминальной обрядности у восточных славян далеко не все материалы представляют возможность для изучения механизмов преемственности. Например, на Русском Севере в настоящее время в сельской местности проживают в большинстве своём люди пенсионного возраста. Трудопособное население, в том числе молодёжь, приспособляется к новым экономическим условиям. Люди вынуждены мигрировать в поисках жизнеспособных структур (посёлки, города). В результате этого ситуация складывается таким образом, что при наличии знаний и опыта у старшего поколения отсутствует возможность их передачи. Проявляется нарушение связей в коммуникативной цепи «отправитель → адресат».

Ориентиром может служить социальная структура, представленная тремя поколениями (деды – родители – дети), которые сохраняют базовые основы культуры. Коллективный опыт, регламентированный в ритуальных формах, позволяет определить существующие механизмы преемственности (в отличие от индивидуального, сохраняющегося в семейных традициях, то есть обладающего более скрытой и, соответственно, менее доступной для исследователя системой трансляций).

Сформулированным условиям соответствуют записи, сделанные в сёлах Крячковка и Березовая Рудка Пирятинского района Полтавской области в 2006–2010 годах⁴. На территории рассматриваемых населённых пунктов сохраняется развитая инфраструктура и сеть социальных институтов – это магазины, почта, больница, медпункт, школа, сельскохозяйственный техникум, клуб, два музея. Есть даже небольшой зоопарк, который организован по инициативе местных любителей охоты. Население придерживается традиционного уклада хозяйствования. Источником витальных ценностей продолжают оставаться земледелие и скотоводство. Такая ситуация способствует сохранению трудоспособной части населения в селе. Это не значит, что здесь не происходят миграционные процессы, они есть, но всё же часть молодёжи предпочитает оставаться на родной земле и следовать сложившимся традициям.

В апреле 2010 года автору настоящей статьи удалось побывать на двух сельских кладбищах в день коллективного пасхального поминовения умерших, совершаемого в понедельник на Фоминой неделе (вторая неделя после Пасхи). В местной традиции ритуал известен под названием «Гробки», иногда именуется по-церковному – «Проводы». С самого утра кладбище оживает – по дороге движется непрерывный поток людей и машин. Празднично одетые мужчины и женщины спешат навестить почивших сродников, покоящихся в родной земле. В плетённых из лозы корзинках под белоснежными рушниками они несут традиционные пасхи и «крашанки» – яйца, сваренные в луковой шелухе, и множество разнообразной снеди, припасённой для поминальной трапезы.

По устоявшейся традиции в ритуале принимают участие разные социовозрастные группы – старики, родители, дети⁵. Молодёжь не принимает участия в поминках. Исключением являются единичные встречи с подростками от четырнадцати до шестнадцати лет, которые чувствуют себя достаточно стесненно – участвовать в детских обходах могил уже вроде бы неприлично, а до равного общения со взрослыми во время поминальной трапезы они ещё не доросли.

Рассмотрим ритуальные действия, которые совершаются различными группами людей, участвующих в обряде.

Взрослые (старики и родители)⁶

По обычаю, взрослые приходят на могилки и трижды «качают яйца» крестом. При этом произносят привычное для пасхального периода приветствие: «Христос воскрес!». Можно катать и в одиночку.

«Качають яйця по могилці, кожний прибалакує сам собі: "Царство небесное вам добрі люди – моїм батькам"».

(Попт., Пугачов. Крячковка. Исп.: Роздубара Н. Н., 1936 г. р. ФЭЦ ОВФ: 1399)⁷

В данной ситуации приветствие обращено к умершему. Покатав яйцо, его оставляют на могиле. Около креста или памятника кладут пасху, конфеты, печенье. Иногда в подарок покойному приносят платок или полотенце, но эта традиция уходит в небытие, и лишь немногие придерживаются заведённых ранее правил. Ритуальной ролью определяется участие взрослых в заказных литиях, совершаемых на могилках, крестном ходе и панихиде, по совершении которых они собираются для совместной трапезы в кругу родных. Располагаются за столом или прямо на земле у одной из могил. Конечно, именно эта социовозрастная группа является хранителем сакрального объекта – кладбища, что предполагает поддержание порядка и контроль за совершением ритуальных действий. К функциональным обязанностям взрослых относится и передача знаний подрастающему поколению. В рамках данного исследования особый интерес представляют механизмы и формы трансляции знаний.

Дети (возрастная группа от 3 до 13 лет)

В обряде могут участвовать дети примерно от трёх до тринадцати лет. При этом полноценными участниками становятся только те, которые достигли шести-семилетнего возраста, то есть дети, которые могут обходиться без опеки старших сестёр или братьев. Они приходят на кладбище наряду со взрослыми, чтобы участвовать в обходах могил. Присутствие детей на кладбище придаёт ритуалу особый колорит. Тщина в небольшой рожице из лиственных деревьев, скрывающей

захоронения предков, нарушается. Созвучия детских голосов наполняют обычно молчаливое пространство. С тряпичными хозяйственными сумками или с привычными для последних лет полиэтиленовыми продуктовыми пакетами дети поочередно обходят могилы, собирая приготовленные специально для этого случая конфеты, печенье, яйца. К полудню ноша выглядит достаточно внушительно и препятствует быстрому продвижению по территории кладбища. Обход по одному или вдвоём-втроём, объединяясь по родственному признаку. Нередко навстречу попадают дети, которые не достигли возраста самостоятельности (6–7 лет) и состоят в близком родстве друг с другом. Малыши участвуют в обходах в сопровождении старших братьев и сестёр.

По воспоминаниям местных жителей, до второй половины XX века в описываемых обходах могил, в основном, участвовали дети из бедных семей. К концу 80-х годов ситуация изменилась. Об этом рассказала учительница начальных классов крачківской средней школы А. В. Дмитренко:

«Нас мати не пускала: "Люди скажуть, що у нас нема чого їсти. Не йдїть, не берїть. Люди скажуть, що у нас конфет нема". А мої діти вже бігали, всі діти біжать і вони. Я ростом вже повища, то я не пускала – нехай вже ті малі. А є такі дівки, що покончали училище і вона йде збирати. То вже соромно».

(Полт., *Пирит.*, Крачківка. Исп.: Дмитренко А. В., 1968 г. р. ФЭЦ ОВФ: 1399)⁸

Детские обходы могил вполне традиционны, они фиксируются и в материалах XIX столетия. А. Воронай приводит такое описание: «Після обїду ходять на кладовище христосуватися з померлими і кладуть на гробки крашанки, що їх відразу ж підбирають діти»⁹.

В настоящее время критерием отбора участников обхода служит возраст – от шести до двенадцати (тринадцати) лет, зрительно сопоставимый с ростом ребёнка. Участие подростков обществом осуждается – «то вже соромно ходити».

Моё внимание привлекла девочка двенадцати-тринадцати лет, которая довольно долго стояла около одной из могил. Она, не решаясь подойти к угощению, за оградку, пыталась уговорить младшую сестрёнку не старше трёх-четырёх лет. Та тоже не решалась и высказывала сопротивление. Проблема этой пары состояла в приближенности к пограничной возрастной черте, разделяющей детей на участников/не участников – младшая ещё не достигла нижнего порога, а старшая уже приблизилась к верхнему, отчего обе испытывали неуверенность.

На кладбище дети чувствуют себя достаточно свободно, контроль выражен опосредованно – он скорее регламентируется ритуалом, чем вмешательством взрослых. Ритуальная ситуация не допускает резких окриков, замечаний со стороны старших, которые могли бы последовать в повседневной обстановке. Можно предположить, что отношения выясняются до ритуала (необходимый инструктаж) и после него

(осмысление и анализ). На кладбище дети – самостоятельные и равноправные участники ритуала. Детские обходы могил – это не только участие в выделении и перераспределении *части* из общей *доли*, но и молитвенное поминовение усопшего, сохранение коллективной памяти. Могильные памятники и кресты – знаки, позволяющие считать и сохранять историю родного края. Один из собеседников охотно рассказывал о местном обычае:

«<...> собирають конфети там, дивляться, які люди с поховані там, <...> «Царство небесне» кажуть перед могилками, як конфети собирають».

(Полт., *Пирит.*, запись на кладбище в с. Березовая Рудка. Исп.: мальчик 10–12 лет, местный. ФЭЦ ОВФ: 1719)¹⁰

Современная поминальная обрядность стремится «сузиться», закрепить память на уровне семьи, рода. Примерно с конца 90-х годов XX века «канул в Лету» обычай совместной поминальной трапезы, объединявшей жителей всего селения. В настоящее время к коллективным практикам объединяющего характера можно отнести крестный ход и общую панихиду. Поэтому особую ценность для ритуала приобретает связующая нить детских обходов.

Ритуальные обходы могил

Обходы детьми могил совершаются произвольно и по приглашению взрослого, как правило, женщины. Вспоминает учительница сельской школы А. В. Дмитренко:

«І є люди стережуть, положить гостинчик і стережуть хвилині десять, щоб воно постояло, а тоді отходять, щоб дитинка забрала. А є, жінка хоче, щоб та дитинка забрала її гостинчик, вона просить, щоб вона забрала. А є просто ставлять ідуть і прибігають, перелазять через оградку – хто перший!».

(Полт., *Пирит.*, Крачківка. Исп.: Дмитренко А. В., 1968 г. р. ФЭЦ ОВФ: 1399)¹¹

Участие в ритуальных обходах предполагает соблюдение некоторых норм, закрепившихся в традиции. Это уважительность в отношении к поминаемому, сдержанность и степенность действий (насколько она возможна для детского возраста) в непосредственной близости от могил. По сложившимся представлениям, ритуальное угощение в течение некоторого времени должно находиться на могиле умершего:

«Стережуть хвилині десять, щоб воно постояло, а тоді отходять».

(Полт., *Пирит.*, Крачківка. Исп.: Дмитренко А. В., 1968 г. р. ФЭЦ ОВФ: 1399)¹²

Эта временная «размытость» в десять-пятнадцать (и даже двадцать-тридцать) минут представляет для детей определённую сложность. Когда у могилы нет взрослых, алгоритм действий вполне понятен. Когда же

взрослые находятся поблизости, дети испытывают трудности. Ребёнок должен проявить внимательность и наблюдательность, и то, что у психологов называется чувством эмпатии, чтобы определить тот самый момент, который станет разрешительным для совершения необходимых действий. Именно в таких ситуациях происходит контактирование разных возрастных групп.

В селе Березовая Рудка я некоторое время наблюдала за мальчиком шести-семи лет, который не мог не вызвать моих симпатий. Увидев могилку с лакомствами и находящуюся в непосредственной близости взрослых, он совершил несколько попыток, но так и не решился подойти к угощению. Произошёл негласный диалог – ребёнок пытался распознать знак дозволенности или запрета, чтобы совершить соответствующие действия. Равнодушие сидящих на лавке мужчин и невнимательность женщин усложняли ситуацию. Разрешением послужило приглашение: «Зайди, мальчик, возьми. Мама [женщина обратилась к матери, стоявшей за оградой и до этого момента не замечавшей мальчика или создававшей видимость – *Е. С.*], пусть возьмёт».

Разрешение на совершение ритуальных действий было получено, а вместе с ним и желаемое вознаграждение.

(Полт., Парят., запись на кладбище в с. Березовая Рудка. ФЭЦ ОВФ: 1719)

Реорганизация традиционной системы, происшедшая за последнее столетие, привела к утрате многих коммуникативных навыков. Результатом этого является то, что в развитых инфраструктурах люди вынуждены оставлять значительные суммы денег за возможность приобретения аналогичного опыта, способствующего усвоению коммуникативной азбуки¹³.

Детские коммуникации

В обрядовой практике дети контактируют не только со взрослыми, но и со сверстниками. На этом уровне происходит распределение знания по горизонтали. Дети перенимают опыт у сверстников. По мнению М. Мид, поколение взрослых более требовательно и менее терпимо к детям. «Пример, являемый им своим детям, значительно более сложен, требует от них большего числа навыков»¹⁴, поэтому передача опыта и знаний «по горизонтали», в кругу одной возрастной группы, вызывает исследовательский интерес¹⁵.

«Знающие» дети делятся с новичками¹⁶.

Один из мальчиков – «знающий» – пытался передать информацию о пасхальном обычае «биться яйцами» своему другу-новичку, для чего в ход пускались все доступные средства. Как оказалось, раскрыть смысл и содержание обрядовых действий в устной форме ему было сложно, поэтому пришлось прибегнуть к помощи невербальных средств выразительности, а именно к активной жестикуляции – примерно так, как это происходит в театре пантомимы.

Диалоговые ситуации возникают при одновременной встрече нескольких участников у одной из могил. Здесь им приходится решать вопросы первенства.

В селе Березовая Рудка я наблюдала за взаимоотношениями детей, одновременно подошедших к одной из могил. Это были две однополые пары – мальчики и одна разнополая – сестра с братом. Последним уступили первенство сбора угощений. Причём, уступившие сосредоточенно наблюдали за совершаемыми у могилы действиями. Когда стало очевидно, что дети, бравшие поминальные гостинцы, оставили у могилы яйца и уже собирались выйти за ограду, то стоявшие за оградой мальчики обратили на это внимание уходящих. Отрицательный ответ девочки, выразивший её незаинтересованность, послужил сигналом к действию. Один из ребят вошёл за ограду и взял оставленное яйцо.

Поминальная трапеза

Дети редко участвуют в застольях, собираемых у могил предков. Они довольствуются собранным угощением. Часть лакомств съедается тут же, на кладбище, а остаток приносится домой и делится между членами семьи. Яйца используются в ритуальных играх со свертниками (катание яиц) на следующий день после «гробков». Вот как рассказывал о местной традиции мой собеседник из села Березовая Рудка:

«Іноді катаєм [яйця – *Е.С.*], а іноді їмо їх. Там, ігри... Наприклад, кладуть яйця чи на підлогу, чи шаферину [листя шифера, використовується для покриття даху – *Е.С.*] ставлять – такі випнуті. І оце отуді яйця пускають – хто більше зіб'є яєць. Ось так. Мені дідуць навчив так іграти».

(Полт., Парят., запись на кладбище в с. Березовая Рудка. Исп.: мальчик 10–12 лет, местный. ФЭЦ ОВФ: 1719)

Съедению яйца также предшествует ритуальное катание – «качают яйца». Яйцо «обстукивают» – стучат по столу с разных сторон, а затем «качают» по столу. Так продолжается до тех пор, пока не появится возможность одним движением снять всю скорлупу.

Участие детей в ритуальном поминании предков способствует укреплению вертикальной связи (прошлое-настоящее-будущее) и формированию социальной памяти у подрастающего поколения.

Анализ приведённых выше ритуалов позволяет увидеть механизмы адаптации обществ с постфигуративным типом культуры к современным условиям существования. Сохранение традиционных основ сочетается с изменениями, фиксируемыми на периферии ритуала. Как уже отмечалось выше, наряду с традиционными для поминального угощения усопших

яйцами и пасхами появляются изделия промышленного производства (конфеты, печенье), то есть изменяется кулинарный код обряда, однако смысловая нагрузка совершаемых действий (кормление предков) остается неизменной. При этом происходит ослабление женской позиции в совершении обрядовых действий. Если вплоть до середины прошлого столетия приготовление обрядовой трапезы закреплялось за женщиной, то современная ситуация в какой-то степени стремится к стиранию признаков пола при совершении ритуала.

Итак, функциональные обязанности, предписываемые традицией различным возрастным группам, распределяются следующим образом:

СТАРИКИ:

- Сохранение и передача знания
- Участие в поминальном богослужении
- Обходы могил
- Ритуальное катание яиц
- Поминальная трапеза
- Участие в обменных ритуальных практиках

РОДИТЕЛИ:

- Сохранение и передача знания
- Участие в поминальном богослужении
- Уборка, обновление и замена ветхих конструкций, украшение могилы
- Обходы могил
- Ритуальное катание яиц (мужчины)
- Приготовление поминального угощения (женщины)
- Поминальная трапеза
- Участие в обменных ритуальных практиках

ДЕТИ:

- Ритуальные обходы могил
- Участие в обменных ритуальных практиках
- Освоение азбуки социальной памяти

Сам ритуал представляет собой органичную систему, концентрирующуюся вокруг оси «жизнь/смерть». Необходимость сохранения памяти предков как базовой основы для продолжения не только рода, но и всего коллектива, рассматривается как залог будущего благополучия.

Забота об умерших способствует их помощи в различных бытовых нуждах. Например, платок, снятый с могильного креста, используется как средство для снятия головной боли. Смысл совершаемых действий считается подрастающим поколением, усваивается через восприятие знаковой системы, которая дублирует код ритуала при совершении следующих действий:

- приход на могилы предков;
- установление контактов с миром мёртвых (приветствие, «катание яиц», угощение);
- связующая нить ритуальных обходов;
- обменные практики;
- поминовение за общей панихидой и во время застолья.

На территории сакрального комплекса происходит объединение представителей разных социовозрастных групп. Детские обходы могил становятся связующими¹⁷ в вертикальной оси коммуникаций. Интеграция знания происходит в процессе совершения коммуникативных актов¹⁸. Поскольку кладбище представляет собой сакральный комплекс (совокупность сакральных объектов), то включение подобных практик в систему поминального ритуала не нарушает установленных традицией алгоритмов поведения. К формам интеграции, наблюдаемым в поминальном обряде, относятся *тексты*, выраженные вербальными и невербальными средствами, а так же *ритуальный практикум* (включённое наблюдение, тренинг). Вне ритуальной ситуации знания передаются детям через систему социальных институтов – семью, школу (*инструктивные формы* передачи). Однако в этом случае внимание акцентируется не столько на содержании, сколько на усвоении норм ритуального поведения, этикета (как пужно себя вести на кладбище, на могиле, когда нужно брать угощение с могилки и пр.).

На примере исследуемого коллектива, продолжающего придерживаться постфигуративных принципов сохранения культурных ценностей, обращает на себя внимание одна особенность – свобода восприятия информации. Процесс усвоения происходит незаметно. Дети добровольно, по собственному желанию, приходят на кладбище вместе со взрослыми и на протяжении всего ритуала соприкасаются только в ситуациях, предписываемых сценарием обряда. Информация кодируется и сохраняется в памяти ребенка с тем, чтобы спустя продолжительный период времени «развернуться» и воспроизвести усвоенную программу.

Одна из жительниц неоднократно обосновывала необходимость совершаемых ею действий актуализацией родовой памяти: «Я так делаю, потому, что моя мама так делала и бабуся».

(Полт., Пирят., запись на кладбище в с. Крячкынка. Исп.: женщина, около 50 лет, местная. ФЭЦ ОВФ: 1718)

Способность сохранения ритуальных кодов и их использования в ситуациях востребованности или актуализации подтверждает действительность транслирующей системы ритуала. Другими словами, правильно усвоенная и сохраняемая программа действий при определённых условиях будет реализована с сохранением установленных норм поведения.

Сходные примеры адаптации детей в ритуальной культуре можно было наблюдать во время празднования Троицы в Никольском районе Вологодской области. Дети проявляли интерес к происходящему и, несмотря на отсутствие ритуальных ролей, пытались активно освоить пространство. В детской памяти сохраняются не только образы чая из дедовских угольных самоваров, горячей ухи, но и первый опыт знакомства с народными инструментами, танцевальной и песенной культурой родного края.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М. Мид проводит разграничение между тремя типами культур – постфигуративной, предлагающей обучение детей у своих предшественников, кофигуративной – дети и взрослые учатся у своих сверстников и префигуративной – взрослые учатся у своих детей. Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями // Культура и мир детства. М., 1988. С. 323.

² Там же. С. 361.

³ Материалы хранятся в архиве Фольклорно-этнографического центра им. А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова (далее ФЭЦ).

⁴ В качестве аналитического материала используется ритуал как один из стабилизирующих механизмов традиции, наиболее устойчивый к временным изменениям. См. об этом: Байбурина А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 5-6.

⁵ Т. А. Бернштам обращает внимание на то, что такой состав поминающих соответствует составу предков, делящихся по социально-возрастному признаку на «родителей-детей (молодых) и родителей-отцов (старых)». См.: Бернштам Т. А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000. С. 217.

⁶ Объединение стариков и родителей в одну группу связано с тем, что во время совершения ритуала различия в совершаемых ими действиях не прочтываются.

⁷ Запись выполнена в январе 2009 г.

⁸ Запись выполнена в январе 2009 г.

⁹ Вороний О. Звичай нашого народу. Етнографічний нарис. Харьков, 2007. С. 236.

¹⁰ Запись выполнена 11.04.2010 г.

¹¹ Запись выполнена в январе 2009 г.

¹² Запись выполнена в январе 2009 г.

¹³ В качестве примера можно привести тренинг «Князь», используемый представителями таллиннской школы менеджмента. По этикету, установленному ритуалом, старейшины рода предлагают кандидату в князья занять вакантный пост. Он отвечает, что не достоин и отказывается. Старейшины вновь повторяют своё предложение, но оно может и не последовать. Старейшины могут сделать предложение именно в расчёте на отказ, чтобы оправдать повод обратиться к тому, кого они хотели бы видеть князем. В этой ситуации очень важно определить тот самый момент, когда нужно принять предложение, сохранив необходимые приличия, и, тем самым, не допустить передачи власти возможному претенденту, то есть нужно определить намерения другого. Участие в подобных практиках способствует расширению коммуникативного опыта. См.: Тарасов В. К. Персонал-технология: Отбор и подготовка менеджеров. Л., 1989. Электронный ресурс: <http://www.bibliotekar.ru/biznes-44/index.htm>

¹⁴ Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями // Культура и мир детства. М., 1988. С. 354.

¹⁵ Интерес вызван и ситуацией, сложившейся в фольклорной практике. Трансляция знаний ничем не отличается от институциональных форм передачи, используемых при изучении различных видов искусства. По сути, фольклор становится одним из видов искусства и отличается от академических жанров репертуаром и исполнительской манерой. Поэтому неудивительно, что у детей происходит отторжение «навязываемой взрослыми "традиции"», когда единственным способом передачи знания становится жёсткая система отношений «взрослый-ребенок», «учитель-ученик». Ребенок лишается свободы восприятия, присутствующей в традиционном обществе. И что понимается в этом случае под традицией? В фольклористических кругах под этим термином обычно понимают устные формы фольклора, в том числе музыкального, и основной задачей «возрождения традиций» становится освоение исполнительской манеры и регионального репертуара. Замечу, что фольклорный текст, как бы он ни был интересен и привлекателен, в системе традиционной культуры занимает вторичное, а не базовое, основополагающее значение. Он возникает и существует в определённой системе с ее сложным регулятивным механизмом. При разрушении традиционной культуры первое, что подвергается забвению и уничтожению – фольклорные тексты. Система, сохраняя свои «ядерные», смысловые основы, сознательно жертвует именно теми элементами, которые не являются опорными или стержневыми.

¹⁶ Здесь прочитывается оппозиция: профанный/сакральный.

¹⁷ Аналогичная модель «связывания» пространства (по горизонтали – коммуникация живых) прочитывается в ритуальных обходах. См.: Толстая С. М. Акциональный код символического языка культуры: движение в ритуале // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996. С. 98-99. С. Р. Кулева рассматривает проявление этих связей на примерах обходов дворов в юго-западных районах Вологодской области. См.: Кулева С. Р. Ритуальные обходы домов в годовом календарном цикле (по материалам экспедиций в юго-западный регион Вологодской области) // По следам Е. Э. Липовой: сборник научных статей. – Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2002. С. 219-233.

¹⁸ Т. Б. Щепанская акцентирует внимание на реализации двух коммуникативных принципов в символике придорожных сакральных объектов – «принципы хождения и собирания». См.: Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX-XX вв. М., 2003. С. 317.

